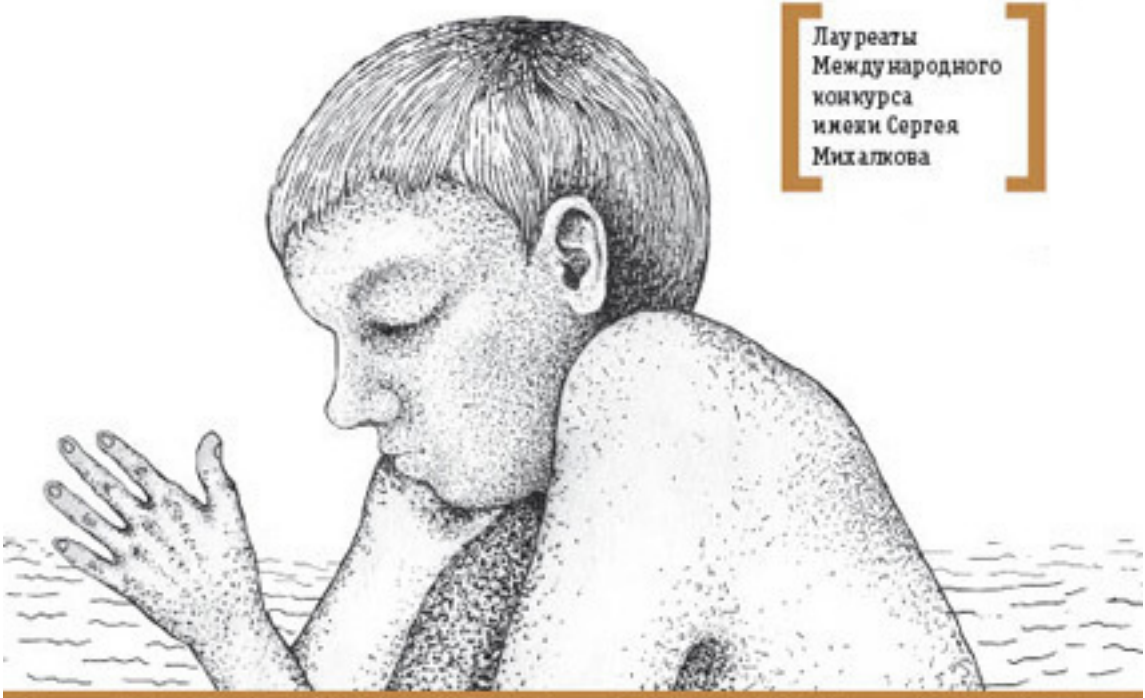

Лауреаты
Международного
конкурса
имени Сергея
Михалкова

Михаил Соловьев

Переход

Лауреаты Международного
конкурса имени Сергея Михалкова

Михаил Соловьев
Переход

Издательство «Детская литература»
2015

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Соловьев М. В.

Переход / М. В. Соловьев — Издательство «Детская литература», 2015 — (Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова)

ISBN 978-5-08-005404-4

Застигнутые непогодой, юные рыбаки вынуждены заночевать на берегу Байкала. Под утро один из них находит засохшую лапку почтового голубя с привязанной к ней колбой с письмом. Колба запечатана сургучом, на котором выдавлены цифры – 1911. Это послание вековой давности становится началом целой цепочки захватывающих событий, связанных с путешествием по следам пропавшей экспедиции в места древних поселений. Подростки и взрослые, решившиеся на этот поход, даже отдаленно не могли представить себе, с какими неожиданными и таинственными вещами, связанными с «технологиями древних», им предстоит столкнуться... Для среднего и старшего школьного возраста.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-08-005404-4

© Соловьев М. В., 2015
© Издательство «Детская литература», 2015

Содержание

О конкурсе	6
Переход	7
Глава первая	9
Глава вторая	12
Глава третья	15
Глава четвертая	18
Глава пятая	22
Глава шестая	25
Глава седьмая	29
Глава восьмая	32
Глава девятая	34
Глава десятая	35
Глава одиннадцатая	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Михаил Соловьёв

Переход

© Соловьёв М. В., 2015

© Рыбаков А., оформление серии, 2011

© Рютина Д. К., иллюстрации, 2015

© Макет, составление. ОАО «Издательство «Детская литература», 2015

О конкурсе

Первый Конкурс Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков был объявлен в ноябре 2007 года по инициативе Российского Фонда Культуры и Совета по детской книге России. Тогда Конкурс задумывался как разовый проект, как подарок, приуроченный к 95-летию Сергея Михалкова и 40-летию возглавляемой им Российской национальной секции в Международном совете по детской книге. В качестве девиза была выбрана фраза классика: «Просто поговорим о жизни. Я расскажу тебе, что это такое». Сам Михалков стал почетным председателем жюри Конкурса, а возглавила работу жюри известная детская писательница Ирина Токмакова.

В августе 2009 года С. В. Михалков ушел из жизни. В память о нем было решено проводить конкурсы регулярно, каждые два года, что происходит до настоящего времени. Второй Конкурс был объявлен в октябре 2009 года. Тогда же был выбран и постоянный девиз. Им стало выражение Сергея Михалкова: «Сегодня – дети, завтра – народ». В 2011 году прошел третий Конкурс, на котором рассматривалось более 600 рукописей: повестей, рассказов, стихотворных произведений. В 2013 году в четвертом Конкурсе участвовало более 300 авторов.

В 2015 году объявлен прием рукописей на пятый Конкурс. Отправить свою рукопись туда может любой совершеннолетний автор, пишущий для подростков на русском языке. Судят присланные произведения два состава жюри: взрослое и детское, состоящее из 12 подростков в возрасте от 12 до 16 лет. Лауреатами становятся 13 авторов лучших работ. Три лауреата Конкурса получают денежную премию.

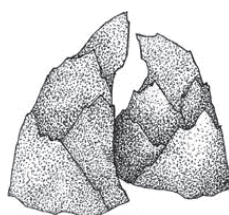
Эти рукописи можно смело назвать показателем современного литературного процесса в его «подростковом секторе». Их отличает актуальность и острота тем (отношения в семье, поиск своего места в жизни, проблемы школы и улицы, человечность и равнодушие взрослых и детей и многие другие), жизнеутверждающие развязки, поддержание традиционных культурных и семейных ценностей. Центральной проблемой многих произведений является нравственный облик современного подростка.

В 2014 году издательство «Детская литература» начало выпуск серии книг «Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова». В ней публикуются произведения, вошедшие в шорт-лист конкурсов. Эти книги помогут читателям-подросткам открыть для себя новых современных талантливых авторов.

Книги серии нашли живой читательский отклик. Ими интересуются как подростки, так и родители, библиотекари. В 2015 году издательство «Детская литература» стало победителем ежегодного конкурса Ассоциации книгоиздателей «Лучшие книги года 2014» в номинации «Лучшая книга для детей и юношества» именно за эту серию.

Переход Повесть

– Мы никогда отсюда не выберемся, никогда! – Истеричный женский крик полетел над долиной и разбудил мальчишку лет пятнадцати.

Слёз парень не переносил. Даже если плакали по-настоящему, а не вымаливали прощение или конфетку. Понимая, что сна больше не будет, он упрямо повернулся на другой бок и зажмурился. Сильно хотелось проснуться в прежнем, знакомом мире, который остался где-то далеко.

На той стороне солнце наверняка клонилось сейчас к горизонту. А здесь будущие ночные страхи только-только начинали собираться, готовясь превратиться в плотное покрывало.

Там, рядом, шла другая жизнь, с которой нечаянная экспедиция так неожиданно рассталась. Каждому хотелось надеяться – не навсегда.

Скалистые стены вынужденной тюрьмы горделиво возвышались, уткнувшись зазубренными краями в плотное тело непроходящего тумана. Они как будто рассматривали пленников и рассуждали, отпускать их обратно или нет.

– Я не могу больше, когда на меня смотрят! Не хочу-у-у-у-у!

Глава первая Голубиная почта

Озеро Байкал. Бурятия. Начало цепочки случайностей

Вдоль мыса Безымянный¹ на «казанке», рвущей водную гладь, шли двое мальчишек. Спешили.

Приметы крадущейся темноты говорили: вот-вот ударит горняшка². Такой ветер даже «ярославцы»³ переворачивает – слишком опасно.

На ближайших галечных пляжах высаживаться не хотелось. Ходу до стоянки минут двадцать. Там, в лагере, взрослые ждут и лодку на берег выдернут разом. А самим тяжело: сначала разгружать, потом тащить ее из воды на гальку, а когда непогода пройдет – обратно. Рисковали, конечно, мальчишки, но осознанно.

Неожиданно в воздухе беспорядочно закружили птицы.

Невидимая упругая волна, похожая на дрожание знойного воздуха, пошла от вершин сопок, раскачивая и пригибая по пути деревья.

Картинка завораживала.

– Давай к берегу! Начинается!

Не сбавляя скорости, моторка выписала дугу и понеслась на галечно-песчаный пляж.

Парень с мотком шнура замер на носу лодки.

«Казанка» с хрустом вошла в берег.

Спрыгнув на сушу и разматывая веревку, мальчишка прытко понесся к опушке леса. Там он закрепил конец на отдельно стоящей коренастой ели и вернулся.

Мотор уже лежал на берегу, а из лодки второй парень, постарше, тащил тюки со снастями, вещами и рыбой.

Резкий порыв натянул закрепленный шнур, пытаясь стащить суденышко обратно на воду, но теперь не страшно.

И раз, и два, и раз, и два!. Опустевшая лодка рывками перемещалась под сбиваемый ветром счет.

Пошла волна.

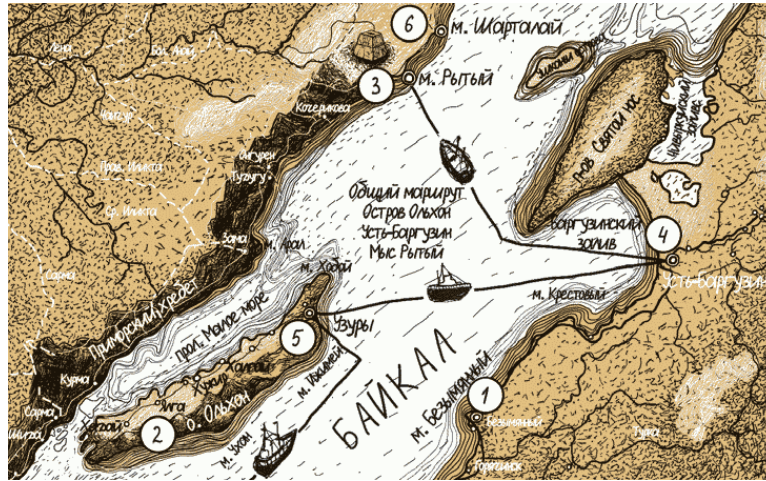
Нужно тащить еще – метров десять. Теперь хватит. Языки прибоя не достанут, а значит, и не разобьют.

Карта № 1

¹ Мыс Безымянный – см. карту № 1 под цифрой 1 (с. 13).

² Горняшка – байкальский ветер.

³ «Ярославец» – корабль класса «Морской охотник».

Погрузили вещи обратно. Себе оставили только сумки, скатки да пакет с едой.

Временное жилище выросло у подножия каменной гряды всего за несколько минут до проливного дождя. Хороши фирменные палатки! Те, кто лично знаком с брезентовыми советских времен, понять смогут. Нынешним мальчишкам не объяснить, как это – деревянные самодельные колышки забивать или, находясь внутри, стенок в дождь не касаться (чтобы не мокло то место, которым прислонился).

Нынешнюю цветастую «пещерку» на упругие распорки – раз! – и внутрь. Напоследок парни привязали ее специальным кольцом за дерево. Вдруг дунет хорошо, а внутри никого – как ловить потом?

Ветер ударил вместе с дождем. Показалось, вмазал кто-то сверху огромным кулачищем.

Затряслась собранная где-то в южных провинциях китайского соседа конструкция. Завибрировала. Тысячи мокрых горошин сверху посыпались. Заговорили сразу, заскандалили.

Хорошо, когда в непогоду есть где укрыться. У наших было.

Банка солонины изюбрячье, кабанье сало копченое, хлеб ржаной из русской печки. Помидоры, лук и прочее не считается – мелочь.

Зажгли в специальной кастрюльке газовую горелку с маленьким китайским баллоном. Чай поставили.

– Молодец тетка Лена! – заговорил старший, нарезая сало. – Я-то, дурак, отмахивался, куда, мол, столько еды. Чего бы сейчас делали?

Младший промолчал, ухватив перышко лука с краюхой.

– Да не торопись ты, – явно копировал кого-то собеседник. – Давай по порядку.

Но малой упрямо сопел, пережевывая добычу. Хотя какой малой? Всего десять месяцев разницы. Но когда тебе нет восемнадцати, иной раз и это пропасть.

Наконец все готово.

Вкусна солонина! Ешь, не оторвешься. На кусок хлеба сверху кабанье сало бросишь, потом несколько кусков мяса, луком прида-а-а-вишь... Так и хочется сказать: «Эх, хорошо!», да только рот занят.

«Старший» есть не спешил и покровительственно глядел на торопливо жующего мальчишку.

— Я на этом месте никогда не был. Сколько мимо ходил, а как-то без нужды.

– А я на вашей стороне вообще в первый раз, – эхом отозвался парень с городским внешним налетом. – С утра посмотрим, что тут. Пробежимся.

– А ты молодец! – улыбался первый. – Когда сказали, с Михой пойдешь, я переживал. На воде же нельзя без опыта.

– Я-то с детства в тайге, – прожевал очередной гигантский бутерброд тот, кого назвали Михаилом. – Да и на воде тоже. Дядька-то начальник рыбнадзора сейчас, да и раньше...

– Когда браконьерил?

– Как все, – отрезал паренек.

Этих тем Мишка не любил. Мало ли кто кем был? А кроме того, он знал от дядьки историю Семенова отца (мальчишки, с которым попал сегодня в переделку) – все когда-то на Байкале браконьерили.

Ночью каждый глядел свой сон.

Дождь с ветром неистовствовал часа четыре. После стихло, и на рассвете их ждал только ласковый шум озера, шлепающего по пляжу.

Солнце заскреблось утренними лучами в ткань палатки. Тюкнула упавшая с елки прошлогодняя шишка. Надо же было ей так долго падать? Гадская шишка! Свалилась же в полной тишине!

Поспать бы еще, но сна уже нет, нервничает Семен. Чует: переживает за них батя. Еще бы! С обеда, как волна успокоилась, именно он отправил мальчишек за вечерними сетями.

«Успокойся, папка, – мысленно сказал Сеня, как учила прабабка Надежда, – все в порядке с нами».

Через минуту полегчало.

Когда старушка впервые увидела сотовый телефон, то охала долго, а потом зашептала внуку: «Без нужды та игрушка, Сеня. Сердце слушать надо». И рассказала, как они с дедом общались, когда тот на фронте был. По ее словам, если любишь человека, то многое узнать о нем можно на расстоянии – почувствовать сердцем. И, находясь вдали от него, предупредить об опасности или успокоить. «Нет лучше телефона, чем сердце человеческое», – заключила прабабка.

Семен согнулся в три погибели и выполз из нагретого дыханием жилища, хрустнув лежащей под ногами галькой.

Солнце успело осветить лишь западную часть Великого озера, но сюда пока не добралось и лишь пристально поглядывало из-за сопки. Серебрилась мелкая рябь, закрывающая сплошным ковром освещенную поверхность воды.

«Красиво!» – залюбовался парнишка. Проверил оставленные на пляже вещи – все на месте. Открыл в лодке пробки. Пускай стекает.

Возвращаясь, заметил блеск стекляшек возле палатки. Похоже, и сюда туристы добрались! Сузается грязная петля. Хотя странно – кострища не видно.

Подойдя поближе, разглядел небольшую, размером в полмизинца, стеклянную колбу рядом со странной веткой и присел поглядеть. Колба оказалась запечатанной чем-то коричневым, вроде сургуча, и крепилась к желтой ветке кустарника узким кожаным ремешком.

«Чудно, – рассудил Семен. – Лежит так, будто только что упала. Может, утром это и не шишка была?» Прикинул возраст ели – лет на сто потянет, а то и больше.

Ветка показалась странно-желтой.

Взял в руки и оцепенел – высохшая птичья лапа.

«Рябчик? – размышлял Сеня. – Или... голубь? Почтовый голубь?»

Ремешок тоже высох.

«Надпись?» – вгляделся Семен. Волнения сдержать не удавалось.

Из палатки со стариновским кряхтением уже выбирался Мишка, и прежде чем он задал первый вопрос, Сеня заметил инициалы А. З. на запечатанной колбе и нацарапанные на застывшем сургуче цифры – 1911.

Глава вторая Заваруха-1

Ссора, «павлин» и шаманка

Спор продолжался минут десять.

Михаил взял посмотреть птичью лапу и повел себя, мягко говоря, странно. По-хозяйски усевшись на берегу, он покрутил ее туда-сюда, а потом спросил:

– Вскрывать будем?

– Конечно! – удивился Семен. – Сейчас и вскроем.

– Нельзя сейчас. – Мишка вынул из-под рубашки небольшой холщовый мешочек, висевший на шее. – Испортим все.

– Эй, ты чего? – возмутился Семен, понимая, что находка от него уплывает. – Отдай!

– Нельзя вскрывать, – продолжил скороговоркой парень, убирая лапу с колбой в мешочек. – Она герметичная сейчас. Сколько лет прошло? Когда паковали-то? Что там внутри? Откроем – и хана!

Семен просто дар речи потерял от такой дерзости. Если силой отбирать находку у наглого гостя, можно вообще все переломать, но эмоции взяли верх.

– Отдай! – попытался ухватить он мальчишку, по-прежнему сидящего на гальке, но тот как-то неуловимо быстро переместился, и Сеня поймал только воздух.

Еще попытка – и тот же результат.

Еще. Мишке, похоже, надоело уворачиваться. Он ловко цапнул разошедшегося парнишку за локоть, больно повернул – и тот рухнул на гальку.

– Успокойся! – крикнул он, удерживая Сеню. – Сейчас заборемся и колбу раздавим. Ты же на следующей неделе в Иркутске будешь?

– Ну буду.

– Вот и вскроем ее в краеведческом музее. Хочешь, я тебе сейчас ее отдам или перед отъездом? Я же убрал, чтобы целее была.

С этими словами Михаил отпустил руку паренька и ловко ее размял. Боль, появившаяся при падении, скомкалась, съежилась и как-то разом исчезла.

– Слушай, а как здорово ты меня! – уважительно проговорил Семен, понимая: сегодня его переиграли дважды.

– Самбо, – коротко ответил мальчишка. – Брат сводный натаскал.

– Покажешь?

– Конечно, покажу, – улыбнулся Мишка, – вы же у нас остановитесь. Под квартирой в подвале спортзал самодельный. Жалко, Серега в Америке, он бы тебя за неделю научил.

– Серега?

– Ну, брат сводный. Батя с его папашей друзьями были. Когда отца Серегиного убили, он с мамкой жил, а как та умерла, батя его и забрал.

– Ничего себе! – сел на гальку Семен. – А как он в Америку попал?

– По программе студенческой, ну когда в институте учился, а после диплома насовсем уехал.

– Спортсмен?

– В основном уличный бой, а из спорта приемы разные коллекционирует. Вот как этот. – И Мишка еще раз ухватил Сеню за локоть. – Не пьет, не курит. Здорово, что батя к нам его забрал. Я-то во дворе уже к старшкам прибился, сигаретками баловался, а он разом все прекратил. Там с нашей лавочки уже кто где. В основном пиво пьют. Серега, знаешь, чего может? – сверкнул глазами мальчишка. – Приедешь – фотки покажу. Он там в стойке павлина на американском Великом каньоне.

– Павлина?

– Ну, руки вот так. – Мишка оперся на валежину и попытался задрать ноги – ничего не выходило. – Короче, руки – так, а тело горизонтально.

– Нельзя так, – удивился Сеня. – Не выйдет. Упадешь.

– Спорим? – ошетинился Мишка. – На фотках сам увидишь, он так на памятниках всяких стоит, на мостах, на перилах. Говорит, его батя еще ловчее был.

Спорить или драться Семену теперь не хотелось. Десять месяцев старшинства неожиданно куда-то подевались, и мальчишка, что казался вчера маленьким, вдруг неуловимо быстро повзрослел.

– Слушай, а чего у тебя в мешочке, ну в том, который на шее? – спросил он.

– Лапка птичья, – быстро ответил Мишка.

– А еще? – настаивал Семен.

– Ну ладно, только никому?.. – вздохнул собеседник.

– Могила.

– Талисман Тофаларский, – понизил голос парень. – Даже батя не знает, что он у меня есть. Шаманка тамошняя подарила. На удачу.

– Шаманка?

– Мы, когда год назад в Тофаларию⁴ летали, так в Алыгжере⁵ к бабке одной зашли. Сафа зовут. Шаманка. Батя с ней о своем говорил, он же клады всё ищет, а Сафа, как папка в поселок ушел, меня к себе затащила. Достала золотых самородков две горсти и давай фигуры на столе выкладывать. Смотрела-смотрела и говорит: «С отцом своим прямо в след идешь. Он тайны ищет, и тебе придется». Потом молчала долго, голову мне трогала, трубку курила, в дым смотрела, а потом талисман и дала. Наказала в путешествиях не снимать, а если вдруг голым останусь – проглотить. Мне вот только непонятно, – повернулся он к Семену, – что это значит?

– Что? – выдавил из себя тот.

– Ну, голым я останусь. Проглотить-то легко: они маленькие, а вот голым... С чего бы вдруг?

– Покажешь? – протянул руку Семен.

– Запретила... – вздохнул Мишка. – Сказала, увидит кто талисман – того за собой утащить сможешь. Не боишься?

– Правда, что ли? – не убрал руку паренек.

– Смотри, не боится! – расхохотался Мишка. – Шучу я. Только никому, что ты видел!

– Могила! – пообещал Сеня.

Парень стянул майку, оставшись лишь в нательном кресте на темном шнурке и с холщовым мешочком на груди. Снял, потянул за шнурок.

Из открывшейся горловины выпала лапа с колбой.

– Держи, – протянул Мишка Сене. – Вот они. – На ладонь выскочили два камушка желтого цвета. – Знаешь, они еще иногда жгутся.

– Жгутся?

– Ну, это кажется так. Если щипать на груди под мешочком начинает, то, значит, произойдет что-то. Подерусь или еще что случится. Ты смотри давай, но не трогай.

– Что это? – с удивлением рассматривал Семен желтый блеск на бугристых спинках талисмана.

– Золото, – одними губами шепнул паренек. – Самородки шаманкины. Выбрала она из кучки и мне отдала.

– А почему трогать нельзя?

– Да в принципе можно, только мы с тобой тогда навечно повязаны, а это не шутка. Так она сказала. И куда моя дорога пойдет, туда и твоя будет...

⁴ *Тофалария* – местность в центральной части Восточного Саяна, на западе Иркутской области. Населена малочисленным народом – тофаларами (тофами).

⁵ *Алыгжер* – районный центр в Тофаларии.

Глава третья Заваруха-2

Родительские оплеухи, «павлин» и гнездо

Утро для мальчишек закончилось неожиданно.

Семен еще рассматривал ухваченные таки с Мишкиной ладони самородки, а тишина Байкала нарушилась далеким пением лодочного мотора, ясно слышного в утренней тиши.

– Держи, – засуетился Семен и вернул талисман. – Лапу тоже убери. Прячь давай!

– Чего заторопился-то? – Мальчишка стал запихивать свое добро в мешочек.

– Да по нашу душу идут, – прислушивался Семен. – Батя не удержался. Будет сейчас на орехи. Они там паникуют, а мы тут посиживаем. Палатку снимай, а я пока лодку разгружу.

Сеня опять становился старшим, и Мишка неохотно поднялся с песка.

Неожиданно за палаткой он увидел что-то белое. Подошел.

На земле лежали многочисленные мелкие косточки, отполированные временем. Рядом валялась сухая макушка елки, под которой они остановились.

«Не иначе, ночью ветром сорвало, – сообразил парень, рассматривая светлый излом. Глянул наверх: – Слезить бы. Что там за кладбище? Наверняка гнездо какого-нибудь ястреба или филина».

Но времени не было.

Активность Сени была понятна: придут родители, а у них сборы в обратную дорогу уже идут полным ходом.

Вздохнув и глянув наверх еще разок, Мишка потянул увязку палатки, замотанную за ель.

Без затрещин все-таки не обошлось: отец Семена, дядя Юра, на расправу был скор.

– Вот они! – рявкнул он, прыгая на берег с носа лодки. – Вали сюда на раздачу.

– Ну чо ты, батя... – пискнул Семен из медвежьих объятий отца. – Видишь же, целые мы. Собираемся.

Похоже, утренняя картинка лагеря и сборов в дорогу остудили отцовский пыл, и Семен отделался лишь легким шлепком.

– Да тетка Лена полночи причитала, спать не давала: угробил да угробил... А на лодке-то утонуть только дурак может. На «Амуре», правда, парочка нырнула вчера – из-за них и сыр-бор. Я бы и сегодня не пошел: сердце-то спокойно.

Оказалось, горняшка застала вчера врасплох не только мальчишек. Катер «Амур» класса река – море, что упомянул отец, хорош на Байкале лишь в тихую погоду. На берег его и впятером не утащишь, и остается только до отстоя⁶ бежать.

– До бухты они не успели, – рассказывал отец. – Разом нырнули. Один в жилетке был – он и спасся. Его через пару минут наши с «ярославца» вытащили. Кстати, а вы-то одетые шли?

⁶ *Отстой* – место длительной стоянки судна (проф.).

– Сам учил, – дернул из кучи оранжевую куртку Сеня. – Обе здесь, можешь рундуки⁷ не смотреть, – предупредил он отцовский порыв и прищурился: – А сам-то чего без жилетки?

Отец ничего не сказал, лишь хлопнул паренька по затылку еще раз. От медвежьей ласки голова у того слегка мотнулась.

– Ладно, зачет, – прогудел отец. – А Мишка-то как?

– Во! – оттопырил большой палец парнишка. – Сразу видно, чей племянник.

– У него и батя такой. Путешественник. Всё клады ищет.

– Находил?

– Наверно. Живет небедно, но правду кто тебе скажет? А вот пацанов правильных поднял. Я и приемного пару раз видел. Спортсмен.

– Слушай, а ты никогда не видел, как он «павлина» делает?

– Павлина?

– Ну, стойку. Когда руки вот так. – Парнишка стал моститься на валежине, повторяя Мишкины выкрутасы. – А тело горизонтально.

– Горизонтально не выйдет, – нахмурился отец. – Упадешь.

– Вот и я говорю... – начал парень.

Но закончить ему не дал Мишка. Он притащил скрученную палатку и сдержанно поздоровался.

– Садись, – дернул его за руку мужчина. – Напугался?

– Да нет. Чего бояться-то? Сеня же знает, чего делать. – Парень сел на гальку.

– Молодцы! – ухватил мужчина их за головы и прижал к себе. – Молодцы, не подвели.

Мишка потащил компанию смотреть отломленную макушку дерева и россыпь птичьих костей.

– Заберусь? – мотнул он головой в сторону старой ели.

– А сможешь? – с сомнением смотрел дядя Олег на дерево, ствол которого метра на три от земли был лысым, без веток.

– Ха! – Мишка наглухо застегнул рубашку. – По кедром и выше бывало.

Молчаливое согласие и азарт толкали парня в спину.

– Давай подсадим... – начал было дядя Олег.

Но парень уже ловко подпрыгнул и словно прилепился к стволу. Левую ногу он поджал под себя и теперь подсаживался на нее, карабкаясь все выше.

Ель оказалась широченная – рук не сомкнешь.

– Ему бы до первых веток, – переживал Семен. – А тут еще только сучки.

Действительно, метрах в трех от земли начиналась хлипкая частая мелочь, торчащая щетиной в разные стороны. Но пацана она не остановила. Ловко прижимаясь к стволу, он добрался-таки до сучьев приемлемой толщины и скрылся в густых нижних ветвях.

– Точно в лесу рос! – уважительно проговорил Семен. – А с виду городской городским...

Спустился парнишка минут через пять.

– Гнездо там. – Он легко спрыгнул на землю. – Макушка двойная, так оно между ними и устроено. Сухую часть обломило вчера, все и повалилось. Там еще костей осталось-о-ось!

– Байкальский беркут, – пояснил отец Семена. – Только он гнездится так близко к воде. Ветрено тут, а для охоты простор. – С этими словами он взмахнул рукой и чуть не задел Сенькину голову. Хорошо, тот был начеку и вовремя отскочил. – А не стой под стрелой, – выдал дядя Олег неуклюжую шутку и потащил пацанов к лодке: – Давайте попробуем вчетвером ее на воду столкнуть, чтобы не разгружать... Андрюха, иди сюда! – позвал он из своей лодки мужчину лет тридцати.

⁷ Рундук – ящик с откидной крышкой на лодке.

Все получилось, и когда пацаны забрались на борт своего суденышка, а мотор заурчал, Сеня крикнул Мишке в самое ухо:

– Теперь ясно, почему лапа-то голубиная не сгнила – в гнезде лежала на ветру. – Тот согласно кивнул, а Семен продолжил: – Мы через неделю с батей в городе будем, а ты пока с музейщиками договаривайся.

Глава четвертая «Не ходи никуда!»

Детство, археология и странный сосед

Детство Мишки Птахина до десяти лет протекало в хрущевке, построенной на крутом откосе Ангары. Улица Дальневосточная, в соседнем с писателем Вампиловым доме.

Видимо, в ту пору археологические изыскания перед началом строительства не проводились. А позже под этими домами обнаружилась стоянка древнего человека, что вполне объяснимо: река с рыбой была всегда и люди жили и кормились здесь еще в каменном веке.

Узнали мальчишки об этом случайно. Играли как-то в войнушку в одном из оврагов, выходящих на реку.

Высота обрыва была метров пять, и самые рискованные съезжали с него на заднице, невзирая на перспективу получить дома нагоняй за порванные штаны.

Как-то один из друзей опоздал к началу игры и спустился в овраг, скатившись с откоса в туче пыли вместе с каким-то шаром желтого цвета.

Рассмотрев его повнимательнее, ребята поняли, что не шар это вовсе, а... человеческий череп. Вызвали милицию. Те поковырялись и сказали, мол, это не к ним, а к археологам. Череп тем не менее забрали.

Через час прибыл отец Мишкиной одноклассницы. Он был профессором исторического факультета.

Оказалось, Санька, скатываясь с обрыва, наткнулся на вымытое дождями захоронение каменного века. В нем археологи обнаружили нефритовый топор, два скелета и украшения из ракушек – это была настоящая могила. Находятся эти артефакты сейчас в Иркутском краеведческом музее.

«Нет справедливости! – сердился Мишка, вспоминая о своих друзьях-первооткрывателях. – Хоть бы про то, как обнаружили, написали, а то – ни слова».

Зато после этого вся команда занялась поверхностным сбором предметов быта «каменных» предков, вымытых дождями из земли. Стал работать археологический кружок.

Нуклеусы⁸, пластинки, костяные ножи, иглы из рыбьих костей, отщепы⁹... Много чего было собрано тогда в одну из первых детских коллекций.

Раскопки – занятие нудное. Казалось бы, чего проще – взял лопату и копай! А тут совочки да метелочки. Все-то нужно зарисовать, упаковать.

Когда надоело собирать поверху, мальчишки начали рыть шурфы. Предметов стало в разы больше, но главный археолог сказал, что если они будут копать и не зарисовывать, то занятия придется свернуть.

«Смотри-ка, копать нельзя!» – жаловался друзьям-«археологам» Мишка.

«Правила такие...» – примирительно вздыхал Санька Лопин, положивший начало этой истории собственной задницей.

⁸ Нуклеус – каменная заготовка, от которой отбивались обоюдоострые пластинки для ножей (археол.).

⁹ Отщепы – отходы при обработке нуклеусов (археол.).

«Правила, правила! – сердился Птахин. – Нужна мне эта археология! Если копать нельзя, так я больше в этот кружок не пойду».

Тем все и закончилось.

Телефона Маринки, дочки профессора археологии, Мишка не нашел. Пришлось вспоминать расположение квартиры.

«Дом – вот он». – Птахин рассматривал район с горки.

Он до четвертого класса был влюблен в Маринку, до подъезда провожал, пока она с коня на физкультуре не упала.

Девчонка отличалась крайним упорством и несколько раз пыталась перепрыгнуть неприступный снаряд, неловко падая и вызывая ехидный смех одноклассников.

Птахин сначала переживал за нее и хотел, чтобы она прекратила позориться, а потом вдруг почувствовал безразличие и понял, что все – разлюбил. Парочка следующих нелепых кульбитов Маринки окончательно разрушила сладкую боль в груди. Странная все-таки эта штука – любовь.

«Когда же я в последний раз-то у них был? – Птахин направлялся к подъезду. – Года за два до переезда плюс три после – пять лет назад?»

Мишка любил и в то же время не любил бывать в уголке своего детства: слишком уж сильно изменился пейзаж.

На самом деле все осталось по-прежнему, только он стал намного выше ростом и то, что казалось раньше огромным, неожиданно уменьшилось.

Исчезли пятиэтажные «небоскребы», и съезжились вертикальные стены поддерживающих откос парапетов. Сократились расстояния, и пропала тайна темного подвала со ступенями и дощатыми кладовками.

Неизменными остались лишь деревья.

Позже Мишка поймет, что они просто вместе с ним росли. Те же березки около дома, которые, со слов отца, сажал Вампилов, и тополя с осинами на газоне.

Паренек чувствовал себя Гулливером, быстро покрывая расстояния детства гигантскими шагами.

Дверь подъезда, где предположительно «прятались» археологи, конечно же оказалась закрытой.

Хорошо, что минут десять назад он пробормотал себе под нос:

– Необходимо открыть двери в Маринкином подъезде.

Надежда на шаманскую «технологию» тофаларки Сафы оправдалась. Когда осталась пара шагов, замок щелкнул и выпустил мальчишку лет десяти, глянувшего на Птахина с легким удивлением.

«Работает! – обрадовался парень. – Молодец шаманка!»

В ту единственную встречу он даже немного напугался, когда старуха принялась без предупреждения щупать ему голову. Костистые пальцы цепко хватали затылок, бесцеремонно поворачивали в разные стороны.

«Все так, – прошипела шаманка и спустя секунду стала рассказывать. По ее рассказам, выходило, что люди делятся по каким-то особым, невидимым, признакам. – Ты наш! – шептала ему старуха, пуская из трубки дым прямо в лицо. – Наш и свой. Только время наше уходит. Когда Бог стал общаться с людьми напрямую, мы с духами оказались никому не нужны. Здесь шаманы сохранились, потому что история познания Бога начиналась слишком далеко, и учение Его поздно сюда пришло, – мелко смеялась она. – Но Бог решает огромные дела, а разной ерундой ему заниматься некогда. Для этого и есть мы».

Из дальнейшего рассказа Сафы следовало, что стоит только попросить вслух о чем-нибудь, и духи ручьев, гор или даже домов выполняют любую твою просьбу.

«Из-за мелочей и жертвы не надо, – продолжала старуха. – А если что серьезное, то лучше у Бога просить, да с молитвой. По тебе видно, вольный ты человек: сможешь и духами повелевать, и милости свыше получать. А там, где жертва, – сторонись. Кормиться с двух рук – задача непростая, но ты разберешься. Следи за признаками. Духи общаются с каждым, а замечают это лишь единицы. Сны запоминай, мысли слушай. Взаимосвязано все. С тобой весь мир говорить будет – только прислушивайся».

После она подарила Мишке те самые самородки, что лежали сейчас в мешочке вместе с голубиной лапой, и посоветовала проглотить их, если вдруг останется он когда-нибудь голым. Расспросить подробно в тот раз не вышло: вернулся отец и утащил паренька к вертолету.

...Птахину повезло: профессор оказался дома.

Обстановка квартиры почти не изменилась. Те же громоздкие шкафы и стеллажи с книгами. Тот же полумрак и карболитовая настольная лампа на письменном столе.

Когда паренек напомнил, кто он, хозяин обрадовался.

– Привет! Давай проходи! – Профессор потащил Мишку в комнату за руку, радостно улыбаясь.

Птахину всегда это нравилось – неунывающая семейка! Устроился, как и шесть лет назад, в размятом и очень удобном кресле. Прервал обязательные попытки налить чаю и заговорил по существу.

Профессор увлекся поведенной Мишкой историей сразу и после вопросов: «Чем запечатано? В сухом ли месте лежало? Предполагаемый возраст?» – неожиданный гость был-таки чаем напоен.

Птичью лапу из мешочка Мишка доставать не решился, только следил за реакцией профессора. Вроде ничего тревожного, но после того, как он сказал, что оставил находку отцу, вынимать лапку было совсем уже глупо.

Перед уходом договорились встретиться в запаснике краеведческого музея через неделю, когда из отпуска выйдет специалистка, она же хранитель.

Ветерок гнал вдоль бордюров мелкий мусор. Птахин медленно шел к своему бывшему дому.

Детская идиллия неожиданно была нарушена местным полусумасшедшим Юрой.

Он был старше Мишки лет на пять. Сидел сейчас на лавке, почему-то далеко от обычного места обитания, весело болтал ногами и радостно улыбался окружающим.

Птахина всегда при встрече с ним или ему подобными охватывало непонятное чувство паники. Невзирая на безобидность, такие люди, как Юрка, конечно, из другого, не человеческого мира.

Юрка уперся в Птахина взглядом и сразу перестал улыбаться.

– Не ходи никуда! – заговорил вдруг басом бывший сосед. – Не ходи!

– Куда не ходить? – опешил Птахин.

– Никуда! – сообщил «оракул» и вновь заулыбался, болтая ногами, обутыми в башмаки «дедушкиного» покроя. На лице его появилось чувство удовлетворения от исполненного долга, и внимания на Птахина он уже не обращал.

– Юрка! Вон ты где! Все глаза проглядела! Не уходил же никогда! Чего тебя сюда занесло? – Быстрыми шагами подходила его мама, тетя Поля.

– Что, тетя Поля, сбежал? – спросил Птахин. – Здравствуйте!

Мишка приветливо улыбался.

Тетка она была классная, но спуску не давала никому. Парень приятельствовал в детстве с ее племянником, да она и сама всегда привечала соседских детей, может, надеялась, что и Юрка от общения с ними поумнеет.

– Я тебя знаю? – всмотрелась в него тетя Поля. – Мишка! А кудри где? – крепко ухватила она за руку мальчишку.

– Борьбой занялся, тетя Поля, теперь так коротко стригусь. Здравствуйте! – поулыбался Птахин.

Помолчали. Уходить сразу было неудобно, и Птахин накрыл ладонью тети Полину руку. Так и простояли целую минуту, предаваясь каждый своим воспоминаниям и разглядывая друг друга.

– Представляешь, первый раз Юрка убежал! Я перепугалась жутко, а он здесь сидит-посиживает! – прервала молчание бывшая соседка.

Мишка не ответил, и они пошли в сторону их дома.

Юрка плелся позади, пуская слюни.

«Значит, никуда не ходить», – вспомнились Мишке его слова. Вот и еще одна загадочка.

Прощались, и, может быть, навсегда. Мишкины ощущения были сумбурными: радостными от посещения родных мест и настороженными после Юркиного предупреждения: «Не ходи никуда!»

«Ничего, дальше будет видно, – гнал сомнения Птахин. – „Не ходи никуда!“ Ха! Там посмотрим...»

Глава пятая

Хищные вещи

Вскрытие колбы

В хранилище стояла тишина: там шла призрачная «жизнь» вещей.

Прошнурованные и пронумерованные, они располагались на полках, подозрительно оттуда «поглядывая». Наименований – без счета. Среди них были:

- предметы утвари и быта, начиная с каменного века;
- национальные костюмы народов Прибайкальского региона;
- предметы, завезенные каторжанами и ссыльными;
- фотографии декабристов и польских повстанцев;
- архивные карты Кругобайкальской дороги.

Хранилище жило как музей в музее. Где-то здесь лежали вещи, принадлежавшие Колчаку или Кропоткину, не выставлявшиеся для посетителей по идеологическим причинам.

Хранительница Анфиса Евгеньевна работала тут более двадцати лет и единолично распорядилась всеми этими сокровищами. Никто, кроме нее, не мог сказать, где что лежит, и только эта дама небольшого роста в своей извечной косынке выдавала экспонаты и рассказывала про них.

Птахин с товарищем пришли в хранилище после обеда.

Пока ехали, Сеня завистливо цыкал на Мишкину летнюю жизнь: никаких тебе огородов или коров с курами. Мамка на даче, батя в очередном путешествии на необитаемых островах Владивостока – свобода!

Дядька Птахина, Иван Оздорский, главный рыбнадзоровец иркутской стороны Байкала, по просьбе Мишкиных родителей приглядывал за ним в их отсутствие, хотя и понимал: особой нужды в этом нет. Парень пива не пьет, не курит и на лавочках штаны не просиживает. «Свистни» когда хочешь – и будет как штык. В любой командировке без «указивок» знает, что делать: костер развести – разведет, посуду помыть – помое. Ни в лесу, ни в городе проблем с ним нет – отчего ж не согласиться присмотреть?

Пока ехали в маршрутке, Мишка рассказал Сене про Маринкиного отца, про свое детство и археологический кружок. Семен над историей посмеялся и согласился: мол, ждять, пока что-то вымоет из-под земли, нет резона, а если не копать, то неинтересно.

– Сейчас увидишь, какие они нудные, – закончил Птахин. – Будем все рисовать или фотографировать.

Маринкин отец позвонил загодя, и их ждали.

Когда Анфиса Евгеньевна взяла колбу со стола, мальчишки ощутили легкий приступ жадности. Прямо как «царь Кощей над золотом чахнет».

«Интересно, чего это меня затрясло? – задумался Мишка и взглянул на Сеню. Тот вцепился руками в колени и тихонько раскачивался. – Ага, не один я волнуюсь, – сообразил он. – И что такое происходит? Предчувствие? Скорее всего, в колбе какие-нибудь прощальные слова из далекого девятнадцатого века».

Таких «приветов» в иркутских краях хоть отбавляй. Мишка Птахин хорошо помнил сопку, перекопанную каторжанами почти на четверть в городе Слюдянка, в том самом девятнадцатом веке, и вырубленные латинскими буквами слова прощания на отвесной скале.

Они тогда с батей и бывшим главным геологом рудника, Владимиром Петровичем Быковым, старые владения предприятия обходили – выработанные жилы диаметром в шесть-семь метров и необъятной глубины вертикальные ямы, засыпанные камнями, а также места, где кандалники жили.

Еще Мишка подобрал на месте бывшего барака половинку кандалов, но в этот же день наигрался и оставил ее в бывшем пионерском музее поселка Култук. Завистливо поцыкал в том же музее на заржавленные наганы и маузер под стеклом. Никогда бы такое не отдал, а кандалы, чего там, не жалко.

– Пробуем. – Хранительница иркутской истории достала цифровой фотоаппарат и диктофон.

Птахин глянул на почти скрывшегося в тени Сенью: вот, мол, начинается нудистика, но тот пока явно не скучал.

«Понятно, – невольно позавидовал Мишка. – В первый раз всегда интересно. Пожалуй, скажи сейчас Сене: иди собирай все, что дождик вымыл, – тот с радостью пойдет».

Анфиса Евгеньевна ткнула пальцем в лампу, похожую на китайский чайник.

– Колба стеклянная, прикреплена кожаным ремешком к лапе птицы. Предположительно голубя. – Первые слова она произнесла настолько буднично, что Мишке стало немного не по себе: а вдруг там действительно лишь послание родственникам?

– Запечатано сургучом, – продолжила Анфиса Евгеньевна. – На торцевой части видны инициалы А. З. Сбоку, поверх сургуча, острым предметом нацарапано – 1911.

В руках она вращала медицинский скальпель, повидавший виды и переживший не одного хозяина. Инструмент выписывал ровные круги в свете сталинской коричневой лампы из карболита. Круглый плафон ее на кривой ноге молчаливо нависал над столом.

Семен пристроился около литой чугунной этажерки со всякими пакетиками и мелкими предметами с бирками и молча сопел. Руки на коленях не двигались, да и сам он напоминал сейчас экспонат.

Мишка тоже притих, увлеченно разглядывая музейную «кухню».

– Ремешок изготовлен специально для голубиной почты. Внутри колбы видна скрученная бумага или пергамент.

После этих слов в дело пошел фотоаппарат. Вспыхнул несколько раз, фиксируя столетний сюжет. Сверху, слева, справа, на штативе, с подсветкой и без...

– Вскрываем. Попробуем сохранить в целости инициалы.

Хранительница скоблила сургуч недолго. Когда исчезли цифры, появилась пробка. Сургучный кругляш с инициалами аккуратно положила в пакетик. Волнующий момент приближался.

Тишина стояла полная.

Птахина потряхивало.

Мишка не знал, что это дает о себе знать «золотая лихорадка», и просто прислушивался к себе. Испарина на лбу. Ноги ватные. Хорошо, идти никуда не надо – сиди и жди, когда скальпель вытащит закупорку.

Оказалось, он не понадобился. Анфиса Евгеньевна прихватила пробку мелкой наждачной бумагой и потянула вверх. С легким чпоканьем та выскочила из колбы.

Птахин с Сеней подались вперед. Почему-то следом за пробкой потащилась бумажка. Она была намотана на что-то и обвязана черной ниткой.

– На совесть делали, – сломала тишину музейщица. – Накручено, обвязано и залито сургучом. Опечатано!

Мишка прислушивался к собственному состоянию с испугом, и только вспомнившиеся истории шаманки Сафы о невидимом мире удержали его от паники.

– Бумага плотно намотана на стержень, соединенный с пробкой, – «колдовала» и объясняла хранительница. – Сверху несколько слоев ниток.

«Хорошо, когда есть специалисты, – понемногу выходил из странного состояния Мишка. – Мы-то давно бы все размотали и угробили».

Снова фотоаппарат и съемка конструкции с разных ракурсов. Наконец Анфиса Евгеньевна кончиком скальпеля подцепила обвязку, потянула – и та лопнула около простенького узелка с болтающимися кончиками.

– Структура нити изменений не претерпела. – Она потрогала отточенным инструментом краешек бумаги. – Бумага свойств также не поменяла. Пытаюсь снять со стержня не разматывая.

Бумажный цилиндрок, подталкиваемый скальпелем, выполз на зеленое сукно стола.

Теперь стало видно: в пробку вмонтирован металлический штырь с прорезью. В нее вставлялся край голубиногo письма и после плотно накручивался поверху.

– Толково! – неожиданно пискнул из темноты Семен.

– Да! В то время за такой почтой стояли жизни, – не отрываясь от работы, сказала музейщица. – Видите, какая сохранность!

После этого без всяких предисловий она взяла цилиндрок и развернула.

Глава шестая Хозяин снов

...И яви тоже

Про вещие сны Мишка, конечно, слышал не раз, а после разговора с шаманкой Сафой захотел узнать о том, невидимом, мире поподробнее. Когда искал по совету шаманки молитвы, разговорился с соседкой, которая регулярно посещала церковь, и получил «краткий курс» верующего.

Птахина, конечно, крестили. Батя настоял. Однако в их семье была свобода вероисповеданий. Хочешь – верь, а хочешь – нет. Когда тетя Люся стала называть шаманизм бесовской верой, Птахин общение с ней сократил. Сафа со своим мировоззрением выглядела честнее: она-то в силу молитвы не только верила, но и другим советовала молиться.

Позже тетя Люся увидела на полке у Птахина сонники и опять заявила: мол, и сны от лукавого. Нет, Мишке гораздо больше нравилась шаманская демократия, чем жесткие церковные правила. Тем более что еще до Сафы и соседки Птахин не раз получал знаки «оттуда». Это происходило во сне, и притом в очень конкретном сне, который повторялся и был связан с постоянными обитателями и деталями обстановки. Таких снов у него было несколько.

Увидеть их специально удавалось редко. В основном это происходило стихийно. Но коли уж Мишка там оказывался, то знал точно, кто где живет, где что лежит и чего можно ждать от персонажей сна.

Больше всего ему нравилась кирпичная хрущевка с бесконечным количеством подъездов. Гулкие, хлопающие деревянные двери и ни одной железной. Здесь «жила» парочка девушек.

Были у них в свое время в школе такие практикантки – недоступные и важные. Наверное, потому он сюда их и «поселил».

Во сне с хрущевкой имелся еще забавный старик – Семеныч. Иногда он высказывался на злобу дня, предугадывая разные события.

Укладываясь спать после вскрытия колбы, Птахин пытался вызвать во сне именно этот сюжет.

Удалось.

Дом стоял, как и прежде, неизвестно где начинаясь и заканчиваясь. Красной линией уходил он за горизонт и подсвечивался закатным солнцем.

Практикантки, стоявшие на балконе, махали руками:

«К нам?»

«К Семенычу».

Никак не получалось у Мишки преодолеть собственную застенчивость по отношению к девочкам, даже во сне.

Старик сидел, по обыкновению, у открытого окна и курил.

«Войду?» – улыбнулся Птахин.

«Говори так, – ответил Семеныч дежурной фразой. – Я ухожу скоро».

Правила игры – другого ответа не бывает.

Несколько раз Мишка пытался проникнуть к Семенычу в квартиру через дверь, и всегда его дома не оказывалось, только на пороге появлялась противная бабка со злобным доберманом. После «оракул» исчезал и в окне.

Решил не рисковать.

«Семеныч, совет нужен. Есть загадка. Давняя. Чего ждать – не ясно».

«Ты слишком торопишь события, – выпустил струйку вонючего беломорного дыма старик. – Не спеши: все приходит в свое время, как созреет. Вы слишком заморочены материальным, а это почти не важно. Ведь отсюда уходят голыми, как и приходят».

Карта № 2

Мишкины мозги «скрипнули», пытаясь «переварить» сказанное и хоть как-то привязать к происходящим событиям.

Семеныч разглядывал паренька, зажимая папироску рукой с пожелтевшими ногтями. Морщинки в уголках глаз разбегались лучиками, сопровождая хитрый прищур. Старик молча пускал дым, уткнувшись взглядом за горизонт.

«Забавно, почему именно он? – задумался Мишка. – С практикантками понятно. Всего лишь неосознанная месть за недоступность и собственную нерешительность, но почему „оракул“ – именно этот дымящий „беломориной“ старикашка?»

Послышался скрип соседской двери – шесть тридцать утра. Сонная реальность покачивалась, теряя жесткость. Мишка еще пытался удержать картинку, но неожиданно из-за горизонта полетели фиолетовые монстры. Логика происходящего сломалась, и начался обычный сон со множеством видений.

Будильник.

«Приходим и уходим голыми...» – еще звучал в сознании прокуренный голос Семеныча.

«Надо же, – усмехнулся Мишка, усаживаясь на постели, – голыми! Прямо как Сафа, заговорил. К чему бы такие совпадения?»

Сегодня предстояло найти переводчика.

Дело в том, что письмо оказалось написанным на испанском языке. Датировалось оно, как и колба, тысяча девятьсот одиннадцатым годом. Четырнадцатого сентября. Автор – Антонио Загирес.

Большого парни не поняли. Теперь нужен был кто-то свой в доску со знанием испанского, чтоб и перевел правильно, и не болтал лишнего.

Мишка понимал: оказаться в письме может что угодно.

Пока мальчишки разглядывали написанное мелким почерком письмо, Анфиса Евгеньевна пошла к стеллажам и достала учетную книгу регистрации иностранцев, прибывших в г. Иркутск, за 1911 год. Там Антонио Загирес не упоминался.

– Это ничего не значит! – не смутилась она. – Возможно, он регистрировался в Верхнеудинске¹⁰. Лапу-то птичью в Бурятии нашли?

– Ну да, – буркнул Семен. – На восточной стороне Байкала.

– Видите, – оживилась хранительница. – Завтра же запрос туда сделаю.

Парни ушли несолоно хлебавши.

Семен расстроился, и Мишка его понимал. Им с отцом сегодня уезжать, а ясности нет. Птахин сделал себе и ему прямо в хранилище ксерокопии письма, и мальчишки договорились, что переводом займется Мишка.

– В нашей деревне уж точно никто ничего не поймет... – вздыхал Сеня.

А у Птахина появились свои соображения. Будучи пареньком читающим, он решил, что уж русско-испанский словарь он себе купит в любом книжном, а прямо сейчас наберет письмо на компьютере в онлайн-переводчике.

«Попробую понять основное, – сказал он себе, провожая товарища, – а там поглядим».

¹⁰ Верхнеу́динск – старое название столицы Бурятии Улан-Удэ. На карте № 2 (с. 44) обозначен цифрой 1.

Глава седьмая Золотая лихорадка

Перевод письма и планы

Большую часть письма Мишка действительно перевел на компьютере, а вот смысловые шероховатости устранял сам, листая новенький словарь и разбираясь во множественных значениях.

«Прав батя, – думал Птахин, ероша страницы, – без книжек – никуда».

Но, несмотря на радужные планы, работа двигалась не так быстро. Здесь не школа и не оставшиеся полчаса до уроков, халтурить нельзя: переводу нужна точность.

Адресовалось послание в Верхнеудинск какому-то купцу Арсентьеву. Видимо, голуби приобретались именно там и должны были вернуться обратно в голубятню.

А потом началась путаница.

Откуда-то взялся остров Ольхон¹¹. Родня проводника и переводчика, бурята Жаргала Итилова, должна была помочь в розыске экспедиции. Речь шла о местности Huir-Hushun в районе какого-то жертвенника. Маршрут указывался с мельчайшими подробностями.

Давался странный совет: аккуратней обращаться с квадратным камнем искусственного происхождения на плато в предгорьях. Не разводить рядом костров и – самое главное! – обойтись без бурятских обрядов. Дважды повторялось: «Никаких жертвоприношений! Только сигналы голосом или стрельбой!»

Сразу вспомнилась тофаларская старая шаманка с ее советами.

После говорилось: экспедицией найдена местность с невероятным количеством золота, но выйти обратно не получается.

«Соответственно, и золотце унести не могут, – смекнул Птахин, чувствуя уже знакомое странное состояние, что испытал в хранилище днем раньше. – Что за ерунда? – сердился он, прислушиваясь к себе. – Лихорадка, что ли, золотая? Ноги ватные опять стали. Успокаивайся давай!» – приказал он себе и вернулся к чтению.

Получателю письма предлагалось взять с собой специалистов по скалолазанию. Кратко описывались зубчатые скалы котловины, в которую попала экспедиция. По этим приметам и предлагалось ориентироваться. Вот так!

Неожиданно в голове у Птахина зазвучали слова из рок-оперы про Хоакина Мурьетту, на которую ходил с отцом в музыкальный театр. «Золото в Калифорнии – самое отборное...»

Точно «золотая лихорадка»! Открывались необычайные горизонты и перспективы. Мир становился добрым и радужным.

«Выйти не могут. Ха! Но как-то же они туда попали!» – задумался парень, выбираясь из-за стола.

Ситуация все больше занимала воображение. Со времен работы археологического кружка и раскопок памятных захоронений Мишке хотелось найти золото. Правда, он не знал, что будет с ним делать, но это не главное – сначала надо найти.

Вечерний Иркутск обдувал мальчишку теплым летним дыханием из приоткрытого окна квартиры.

¹¹ *Ольхон* – остров на Байкале. На картах № 1 (с. 13) и № 2 (с. 44) обозначен цифрой 2.

Полчища комаров штурмовали антимоскитную сетку, и их пронзительный звон сверлящей иглой ввинчивался в мозг.

Птахин рассуждал так: «Значит, нашли золото – и нет возможности выйти обратно. Интересно почему? А голуби-то, получается, улетели. Последний пересек Байкал, но угодил в гнездо хищника, где его лапа с письмом нас и дождалась. Если еще были крылатые почталыоны, то сгнули где-то, иначе спасатели явились бы непременно. Хотя, судя по жертвеннику и прочим странностям, неизвестно, нашли бы чего или нет. Значит, Жаргал Итилов, Антонио Загирес и прочие участники забытой экспедиции там и остались? Удастся ли их найти? И с чего начинать? Наверно, лучше не торопиться и разматывать этот таинственный клубок с самого начала».

Господина Арсентьева и его потомков из Улан-Удэ Мишка отмел сразу. Вряд ли информация о них что-то даст – лишняя суета. А вот пошарить родственников Итиловых на Ольхоне имело смысл. Придется только вводить в курс дела дядьку Ивана с его «ярославцем», личным авторитетом-должностью и знанием байкальских традиций.

Задумался о хозяйке музейного запасника. Но вроде повода беспокоиться не было: тетка, похоже, полная бессребреница.

Теперь нужно выяснить, что же такое Huir-Hushun – Хыр-Хушун это или Хуир-Хушун? Тут без специалистов не разберешься. Значит, опять в хранилище?

Набрал телефон дядьки Ивана – он-то должен знать. Никто не отвечал.

Мишку одолевали сомнения: «Как дядька себя поведет, когда узнает о находке и содержании письма? Что там у взрослых просыпается от прикосновения к подобным тайнам? Не удивлюсь, – продолжал он развивать мысль, – если и хранильница Анфиса Евгеньевна, разобравшись, о чем пишет господин Антонио, сразу наденет спортивный костюм и двинется на поиски потомков рода Итиловых».

Птахин даже немного развеселился, представив себе, как хрупкая Анфиса Евгеньевна лихо скачет с валуна на валун, груженная тридцатикилограммовым рюкзаком. Нет, не ее это интерес, хотя как знать?

Продолжая рассуждать, Мишка завалился на диван. Перед глазами поплыли образы и фигуры, напоминающие фотографии из прабабкиного альбома, в старомодных одеждах: длинных, в пол, юбках, чопорных сюртуках; женщины – с давно вышедшими из моды прическами и мужчины – с чудными усами.

Дядька, похожий на прадеда Константина Ивановича, сидел в военной форме на лавочке возле забора. Улыбаясь и глядя куда-то вдаль, он скручивал козью ножку.

Стайка мальчишек бежала по деревянным тротуарам. Они катили ободы велосипедных колес с вынутыми спицами, используя для этого специально загнутую проволоку.

С улицы доносился противный кисловатый запах общественных помоек. Где-то жарили яичницу на сале, и фоном звучала женская ругань со двора. Обстановка казалась совсем домашней и навевала сон.

Под эту умиротворяющую какофонию звуков Мишка уснул, и связанная картинка сменилась во сне чередой мелькающих образов. Ее нарушил сигнал сотового телефона, лежащего на пуфике в головах.

Комары продолжали грозно звенеть, штурмуя оконную сетку.

«Прямо как зомби в фильме ужасов! – оценил Птахин. – Так же целенаправленно и упорно ломятся за жратвой сквозь любые препятствия, мешая друг другу и толкаясь».

Телефон звонил и звонил, окончательно вырывая Мишку из сна.

Половина двенадцатого.

– Привет! – Дядька Иван. Голос показался слегка загадочным. – Звонил?

– Ну да. – Птахин приводил в порядок мысли.

– Письмо перевел? – громом среди ясного неба прозвучал вопрос.

- Кхмгм! – закашлялся Птахин. – А ты откуда?..
- От верблюда! – Дядька явно сердился. – Почему сразу не рассказали с Сеней? Копий они наделали! Первый экземпляр где?
- Я... мы... – опешил Мишка.
- Какие *ямы*? – орал дядька.
- Да я и звонил, чтобы тебе рассказать все, – наконец выдавил из себя Птахин.
- Рассказать! – бушевал на другом конце провода Иван. – Ничего больше без меня не делать! Хорошо, что Сенин отец нашел у него ту бумажку. Кто еще про это знает?
- Ну... только Анфиса Евгеньевна.
- Кто такая?
- Хранительница.
- Можешь доходчиво объяснить?!
- А Сеня не рассказал?
- Молчит, как партизан под пытками. Говори давай! – бушевала трубка.
- А ты письмо перевел? – пытался уточнить Мишка.
- Говори, кто такая?
- Музейщица она, – сдался Птахин, – из нашего краеведческого. Я только думаю, соваться туда не стоит, – неожиданно брякнул Мишка.
- Что так? – озадачился Иван.
- Сам подумай! – продолжил парень. – От экспедиции только голубиная лапка с письмом сохранилась, и больше ничего. Так и от нас за пять минут лишь подошвы останутся...
- Ты времена-то не равняй! Сейчас и рации, и сотовая связь, и джипизы! А вертолеты? Мы же не инкогнито пойдем. Только сначала определимся, куда ехать. Письмо-то я сразу в Интернете перевел. С Хыр-Хушуном порядок! Это мыс такой. Второе название – Рытый¹², речка Риты оттуда вытекает. Там даже каменные стены на берегу сохранились, а вот жертвенных камней никто не видел.
- А если Итиловых на Ольхоне пошарить? – высказал соображения Мишка.
- Уже делается, умник. Я главе администрации отзвонился: завтра, край – послезавтра, информация будет.
- Нас возьмете? – с надеждой спросил Мишка.
- Вам бы врезать как следует за секреты... – уже спокойно заговорил Иван. – Тебя я заберу, конечно. Мне же присматривать за тобой надо, а как с Сеней быть – пускай отец решает.

¹² Мыс Рытый на карте № 1 (с. 13) обозначен цифрой 3.

Глава восьмая

Мастер скандала

Появление конкурентов

Утро наступило рано и не самым лучшим образом. Началось оно с ударов в железную дверь. Дынс! Дынс!

В Мишкином мозгу замелькали варианты: «Милиция? Соседи напились и перепутали квартиру? Грабеж?»

Часы показывали семь тридцать утра. Где-то скреблись дворники, пели птички, а тут: дынс! Дынс! Дынс! – прямо в мозг.

«Кто это? – Мишка спрыгнул с кровати. – Хоть бы крикнули! Молчат, и мощно так».

Дынс! Дынс!

В эдаком грохоте можно было двигаться по квартире не таясь. Похоже, никого не интересуется, тут он или нет. Подкрался к двери и через «глазок» увидел, что свет на площадке экономными соседями уже отключен.

В полумраке ворочалась туша, напоминающая медведя, и этот «медведь» наконец заговорил голосом дядьки Ивана:

– Открывай, Птахин! Все равно достану!

Открывать сразу было опасно: дядька мог и зашибить часом. Какой он бывает в ярости, Мишка знал с детства.

Снова грохот: дынс! Дынс!

– Дядя Ваня, ты?

– Открывай!

Дынс!

– Только когда успокоишься.

Дынс! – икнула в последний раз дверь.

– Я сейчас тебя впусти, и ты спокойно зайдешь. Только без нервов.

Мишка несколько раз присутствовал при спорах отца с дядькой и знал, что тот успокаивается так же быстро, как и заводится.

«Медведь» уже спокойнее прогудел еще раз:

– Открывай.

Пока Мишка ставил чайник и резал вареную конину, дядька сверлил парня глазками-пуговками, а потом заговорил безо всякой подготовки:

– Вспоминай, кому вы еще о письме говорили. Может, переводить кто помогал? – Мишка удивленно вытаращил глаза, а Иван продолжил: – Звонит мне утром глава администрации Ольхона и сообщает: мол, интересовались вчера моим вопросом. Рассказывает, двое их было – молодой парень и женщина в годах. Оба спортивные. Одеты как туристы и с альпинистским снаряжением. Концы рода Итиловых искали.

– Я, дядя Ваня, сам переводил по словарю, вон в кабинете батиним лежит, как и письмо с копией, – грустно отвечал Птахин.

– По словарю? – неожиданно успокоился Иван. – Ну и кто же тогда нам свинью подложил?

– Неужели Анфиса Евгеньевна? – удивился Мишка. – Не может быть....

– Звони ей! – скомандовал Иван.

– Рано! Восемь утра! Она после девяти на работе появляется.

– Я сдохну до этого времени! – взвыл в очередном приступе ярости дядька.

– Не ори, – попросил Мишка. – И так всех перепугал в подъезде. Они шипеть теперь точно будут. Давай лучше попробуем поспать часок. Ложись на диван как есть. Я жалюзи сейчас закрою – ночь сделаю. Вот тебе подушка!

Неожиданно спокойно дядька улегся на скрипнувший пружинами диван. Устроился и сразу выдал первую руладу храпа.

«Молодец! – про себя похвалил его Птахин, ставя посуду в раковину. – Сильно с батей похожи. Будто не он тут сейчас грохотал-ревел. Щелк! – и воюем, щелк! – и отдыхаем».

Попытался тоже улечься, но полученная информация покоя не давала. Вращалась в мозгу, цепляясь острыми краями, – уснуть мешала.

«Значит, решил кто-то обогнать нас и движется теперь на шаг впереди, – ворочался Мишка. – Жди теперь девяти часов...»

Глава девятая

Первые шаги

Прибытие конкурентов

Утро в Усть-Баргузине¹³ выдалось яркое. Солнце взлетело по-июньски высоко. Байкал серебрился рябью, плюхаясь в прибрежную гальку. Чайки кружились в бесконечном поиске еды. Река Баргузин неспешно выносила воды, скопившиеся в верховьях, на необъятные просторы Великого озера.

«Казанка» с японским двигателем на подходе к пляжу сбавила ход и, качнувшись от набегающей на корму волны, коснулась берега.

– Ну, вот и ваш Усть-Баргузин, однако, – заглушил двигатель сидящий на корме небольшого роста бурят. – Как говорил, от Ольхона два часа в один конец.

Двое мужчин и сухопарая дама средних лет не произнесли ни слова, рассматривая поселок.

– Пошли! – Женщина поднялась в лодке и после секундной паузы твердо повторила: – Идемте!

Чувствовалось: в этой компании руководит и заправляет именно она.

Первым на берег выскочил паренек лет шестнадцати. Второй, крепкий мужчина, лет за сорок, начал выбрасывать на гальку рюкзаки и аккуратно упакованные тюки.

Дамочка достала из внутреннего кармана деньги и отсчитала причитающуюся лодочнику сумму.

– Хватит? – поинтересовалась она.

– Как договаривались, однако, – отвечал перевозчик. – Может, ждать вас, вдруг обратно поедете?

– Не раньше послезавтра.

– Если что, звони, телефон есть, Яшка быстро отвезет.

Но и эти слова упали в пустоту. Огорченно кивнув, лодочник едва не черпанул воды броднями, оттолкнул лодку от берега и вскочил на нос. Огляделся, закурил и наметился в обратную дорогу.

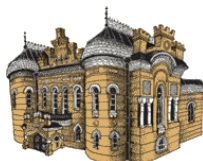
Мужчина с парнем уселись на тюках. Старший потянулся всем телом и распрямил затекшие за два часа ноги, а женщина, подойдя к вышедшему из будки на пирсе пожилому сторожу, спросила:

– Не подскажете, где тут в Усть-Баргузине шаманка Итилова живет?

¹³ Усть-Баргузин – поселок на Байкале. На карте № 1 (с. 13) обозначен цифрой 4.

Глава десятая

И снова хищные вещи

Дополнительная информация и намеченные мероприятия

Утренние новости ясности не внесли, а только окончательно всех запутали.

На вопрос о переводе письма Анфиса Евгеньевна ответила отрицательно. Ей абсолютно достаточно того, что оставили, – копии письма и колбы с лапкой. Она несколько раз об этом восторженно пискнула в трубку. По поводу информации из Улан-Удэ ответила, что вчера получила по факсу и предложила заехать прочитать.

Мишка пообещал скоро быть, а дядька пока набрал мэрию Ольхона.

Полученные вести воодушевили. Появилась информация о семье Итиловых, их отъезде в Усть-Баргузин в девяностых и подробный адрес.

Конкурентов оказалось трое: женщина, молодой парень и мужчина в годах. Руководила всем вроде дамочка.

Новости неприятные: группа ушла на моторке местного рыбака на восточную сторону озера. Значит, «потрошить» шаманку они будут первыми, хотя не факт. Иван подбросил мэру идею о звонке главе усть-баргузинской администрации, чтобы тот попытался остановить их силами местных государевых служб.

Разобрались с неприятной текучкой и поехали в хранилище.

Птахин такому развитию событий радовался: никаких тебе маршруток или пеших пробежек – прямо до места, не вставая с пассажирского сиденья дядькиного внедорожника. День положительно задавался.

Гарантированные пробки в определенных местах с трудом пропускали поток спрессованной массы автомобилей. Озадаченные кладоискатели успешно двигались в общем потоке на противоположный берег Ангары.

Бульвар Гагарина дохнул влажным речным ветром, свободным от городского смога и пыли. Краеведческий музей располагался возле недавно установленного в центре площади памятника Александру III.

Чугунный двуглавый орел, уцелевший в огне революции, как и прежде, разрезал воздух искусно выплавленными крыльями и хищно гнул обе шеи в поиске возможных жертв.

Сказочные архитектурные формы музея: круглые окна, всевозможные лепные украшения, ворота ажурной ковки – напоминали Мишке пряничный волшебный домик из детской книжки.

Хлопнула половинка сводчатой двери, и звук вернул Птахина к реальности.

Анфиса Евгеньевна ждала на вахте около бабушки-билетера, излучая небывалую радость.

– Идемте, идемте! – Она взяла Мишку за руку и потащила к лестнице, ведущей в подвальное помещение хранилища.

Дядька Иван двинулся следом.

Компания снова оказалась за столом, крытым зеленым сукном. Этажерка с пакетиками около стула, где сидел в прошлый раз Сеня, пополнилась очередным экземпляром. Подаренную голубиную лапку с прикрепленной колбой уложили в специальный ящик под стекло. Сургуч с инициалами поставили на место, даже цифры 1911 восстановили.

Внутри стекляшки виднелся бумажный цилиндрок. Неприятным сюрпризом оказалась копия письма рядом с лапкой. Испанский текст на удачно подстаренной бумаге бросался в глаза каллиграфическими вензелями и росчерками Антонио Загиреса.

Похоже, нашлась «утечка».

У Птахина мелькнула интересная мысль. Он незаметно дал знак дядьке, чтобы молчал, и уселся около этажерки.

Тот покорно вздохнул и пристроился на скрипнувший стул.

История из Улан-Удэ про Антонио Загиреса оказалась короткой и уложилась на одной страничке формата А-4. Жиденькая факсовая бумага рассказывала об испаноязычном географе, историке и путешественнике, прибывшем для изучения древних байкальских поселений из далекого города Барселоны. Дата регистрации – 12 июня 1911 года. Город Верхнеудинск, нынешний Улан-Удэ.

Символично! Ровно сто лет назад.

Дядька, похоже, тоже заметил. Он с шумом втянул воздух и откинулся назад, чуть не уронив этажерку. Потом сцепил руки на животе и стал, волнуясь, раскачиваться в пыльном сумраке хранилища.

Антонио Загирес останавливался на постоялом дворе купца Арсентьева. Прожил в Верхнеудинске две недели и, убывая на восточное побережье Байкала с проводниками и переводчиком, приобрел в дорогу четырех почтовых голубей.

После шли данные о полученных письмах. В первом просили срочно отправить несколько распоряжений управляющему в Испанию. Во втором была информация о походе через остров Ольхон в местность Хыр-Хушун на западном берегу озера. По слухам, там сохранились остатки стен древнего города, а также других поселений и жертвенников.

Все становилось на свои места: географ из Барселоны в скитаниях и расспросах жителей восточного берега услышал историю о древнем городе. Не удивительно, что он изменил планы.

Проводником на Хыр-Хушун шел Жаргал Итилов с Ольхона.

«Значит, – рассуждал Птахин, – экспедиция попала на территорию, где полно золота, но откуда нельзя выбраться. Искерпав все возможности, они отправили последних почтовых голубей с просьбой о помощи, но те по различным причинам не долетели. Одного съели беркуты на восточном побережье Байкала, и осталась только лапка с письмом. Второй, вероятно, тоже где-то погиб. Значит, Антонио Загирес и экспедиция обратно не вернулись, иначе в Верхнеудинске была бы отметка. Скорее всего, они скончались от голода, так и не выбравшись оттуда».

История пролетела в головах за минуту. Повисло звенящее молчание, и через секунду племянник с дядей хором процедили неосознанно-оценивающее:

– Аааамммммгмммнуудаааа...

После переглянулись и, не сговариваясь, спросили у Анфисы Евгеньевны: кто был в хранилище и видел лапу с письмом? Спросили и о переводе.

Оказалось, женщина работала со словарем. Сильно огорчилась, что древний город на Рытом не найден. Прочее не заботило: нет города, нет артефактов – плохо. Остальное неинтересно!

А вот позавчера была группа студентов исторического факультета, которую привела приятельница Анфисы Евгеньевны, педагог и путешественница Анна Иосифовна. Фамилию хранительница помнила только девичью. Что преподает – не в курсе.

Иван кивком головы указал на миниатюрный ксерокс.

Понятно! Птахин тоже снял бы ксерокопию после такой интересной истории. Похоже, конкурентам это удалось. Больше ничего не уточняли.

На улице Мишка попросил срочно позвонить хозяину Ольхона. Ничего утешительного. Связи с Усть-Баргузином нет три дня, и, когда что-то прояснится, неизвестно.

Помолчали, и Мишка предложил дяде Ивану следующий план.

Раз уж они не успевают догнать, а тем более остановить конкурентов, то пускай те двигаются в эту экспедицию «наживкой». То есть дядька выставляет рыбнадзорский пост для скрытного наблюдения подходов к Хыр-Хушуну.

Задача: засечь группу из трех человек – двух мужчин и женщины. Допустить беспрепятственный проход по маршруту. По возможности, отследить направление и прочее.

Если вдруг пойдут обратно, задержать, используя власть, ну а если с ними что-то произойдет, как с экспедицией Загиреса, то появится информация об опасностях, подстерегающих путешественников на маршруте. И для очистки совести: на эту роль они напросились сами, так что пускай теперь дорожку и расчищают.

Выслушав Мишку, дядя Иван с хрустом поскреб пятерней трехдневную щетину и заговорил:

– Коварный ты, оказывается! Сам придумал?

– Да нет, – ответил племянник, – не сам. В одной компьютерной игрушке про войну я так батю по сети гоняю: смотрю, как его колбасят, а сам потом прохожу. Красться сзади – вообще моя тема.

– Ладно, компьютерщики, – улыбнулся Иван. – Поехали в контору, я парням задач поставлю.

Они прыгнули во внедорожник и, спугнув стайку засаленных городских голубей, поехали на работу к дядьке Ивану. Предстояло разработать план действий.

Глава одиннадцатая

На ощупь

Поселок Усть-Баргузин: шаманка и конкуренты

Всю неделю до появления первых странных гостей усть-баргузинскую шаманку Адыгу мучили неясные предчувствия. Какие-то неопознанные мысли-видения не поддавались привычному объяснению и назойливо стучались в сознание.

Сны тоже ничего внятного не говорили. Какие-то почтовые голуби в клетках. Она кормила их, чистила проволочные жилища.

Утром, на рассвете, перед самым появлением гостей, приснился прадедушка Жаргал. Во сне она оказалась маленькой девочкой и сидела вместе с ним за грубо сколоченным столом из досок. Дедушка резал ножом и ел только что сваренный дымящийся хошхонык¹⁴.

Пар от горячей колбаски, набитой кусками конского мяса вперемешку с арбином¹⁵, поднимался над тарелкой. Брызги ароматного прозрачного сока падали на стол и тарелку, остывали и некрасиво мутнели, превращаясь в обычные капли жира.

Прадед поднял голову и с улыбкой глянул на Адыгу. Прожевал очередной кусок хошхоныка и проговорил: «Давай-ка воду ставь, еще варить будем, а то гостям не хватит совсем. Они с дороги сейчас. Издалека».

Адыга сползла с грубо отесанной лавки, держась за край стола и нащаривая пол. Коснулась его и... проснулась.

Лучи утреннего солнца острыми клинками через шторы пронизывали избу и отражались на беленой стене печки солнечными зайчиками. Запах варящегося мяса приятно щекотал ноздри.

Мама Адыги, Туяна, возилась около котла, водруженного на газовую плиту. Рядом стоял на страже, вытянувшись «во фрунт», красный газовый баллон с необходимыми приспособлениями: шлангами и «лягушками». Почему-то именно так называл белую металлическую таблетку в газовой системе дядя Петя, помогающий соседке управляться с непростой современной техникой.

– Вставай! – Мать перемешивала ароматное варево ложкой на длинной деревянной ручке. – Гости к тебе с другой стороны приехали, их пока к однофамильцам отправили.

Все гости, кого местные жители не знали, отправлялись на поиски Итиловых на дальний, противоположный край поселка. Там, в доме без палисадника, жила семья, имеющая почти такую же фамилию, только через букву «Ы».

К Туяне же с Адыгой бежал посыльный – первый попавшийся на улице сорванец, чтобы успеть предупредить о неожиданных гостях.

Туяна продолжала:

¹⁴ Хошхоны́к – блюдо из конских потрохов (бурят.).

¹⁵ Арби́н – конский внутренний жир (бурят.).

– Трое их. Одна женщина. Много вещей. Сюда идут вдвоем. Ночуют у Трифоньча.

Так звали сторожа на деревянной пристани. У него в гостевом домике всегда останавливались приезжие за небольшую плату.

Смутные мысли, беспокоившие шаманку последнее время, наконец-то прояснились. Предчувствие странных событий постучалось в сознание Адыги. Вот она, история, связанная с их родом. С невидимой стороны донесся голос: мол, осторожнее! Ясно. Разрозненная картинка собиралась, обретая плоть. Деталей добавят приехавшие утром.

Ага, вот и они. Гавкнул на цепи добродушный Додик, изображая рвение и отрабатывая свой непростой кусок хлеба. Брякнула железным кольцом закрытая на защелку калитка.

– Иди давай, сейчас кричать будут.

Свои, усть-баргузинские, заходили без стука. Они знали: цепняк безопасен и через неприметную дырку в заборе сами убирали деревянную заложку. Посторонние же покорно ждали.

Жители гордились наличием в поселке известных земляков, к которым люди ехали за советом даже из-за границы.

Почти все прибывающие в первый раз делали по поселку круг из-за однофамильцев и появлялись по адресу, только разобравшись в ошибке. Неопределенность ответов на вопросы приезжих лишь подогревала интерес.

Вроде: «Ну не знаем, примут ли сегодня».

Или: «Сами-то уже второй день со двора не выходят и никого не пускают...»

И еще: «Третьего дня люди из Читы были. Так и не дождались».

Гости наматывали пешим ходом пару лишних километров и появлялись перед глухим забором с гавкающим за ним Додиком, волнуясь, примут ли...

Мать Адыги пошла открывать.

Знакомо стукнули двери в сенях.

Заскрипели доски деревянного подворья. Додик наконец замолчал, и в калитку зашли двое.

Женщина, идущая впереди, уверенной походкой пересекла двор и остановилась, поджидая хозяйку и спутника.

Звуки подворья повторились в обратном порядке. Скрипнула дверь.

– Здравствуйте! – послышался тихий голос из полумрака прихожей.

– Проходите, – не оборачивалась Адыга. – Как с Ольхона дошли?

Деревенский телеграф работал хорошо. Информацию, полученную от незваных гостей, доставил босоногий соседский Петруха.

– Море спокойное, только на воде холодно. – Голос гостьи звучал тихо и вкрадчиво.

– Вы же ко мне не по шаманским делам? – неожиданно для себя заговорила Адыга.

У нее такое часто бывало с детства. Скажешь не думая – и безошибочно, а собеседник обезоружен.

– Вы по ольхонскому роду нашему, да? – продолжила шаманка, уловив – «выстрел» в десятку.

Она сейчас увязывала это молчаливое удивление с собственными чувствами. Глянула на гостей через дверной проем, вспомнила сон и поняла: «По дедушку Жаргалу приехали...»

Мало кто из людей до конца верит в чужие способности и предвидения. Зато при «попадании» все защитные реакции теряются.

Приехавшие не были исключением и отреагировали огорошенным молчанием.

– Вы проходите, присаживайтесь, – предложила еще раз Адыга. Сама при этом повернулась на табуретке и оказалась к ним лицом.

Первый раунд поединка остался за ней.

Женщина юркой тенью пересекла комнату и присела на край грубо отесанной лавки. Мужчина за сорок прошел следом и расположился рядом.

Утреннее солнце освещало напряженно-растерянные от шаманских откровений лица. Адыга же сидела темным силуэтом с распущенными волосами на фоне окна.

– Меня зовут Анна Иосифовна, – начала гостя. – Мы из Иркутска. Я преподаватель истории и путешественница. Моя приятельница из нашего краеведческого музея несколько дней назад работала с интересным экспонатом. Это лапка почтового голубя с колбой. В ней оказалось письмо, адресованное в Верхнеудинск. Видимо, голуби там и приобретались. Лапка нашлась в старом гнезде на восточном берегу Байкала, то есть птица с посланием не долетела... – Анна Иосифовна приостановилась.

В воздухе снова собиралась тишина. Шаманка молчала и не шевелилась.

Гостя продолжила:

– Проводником в том походе шел ваш дедушка Жаргал Итилов.

– Прадедушка, – поправила Адыга.

– Извините.

– Ничего.

– Письмо составлялось на испанском языке и содержит инструкции: где их искать, что делать и чего не делать.

Слова валились в пустоту.

По определенному движению глаз и мимике шаманка поняла: собеседница либо лжет, либо недоговаривает. Скорее, второе.

Появилось состояние отторжения. Женщина, сидящая перед Адыгой, переходила в категорию людей отрицательных и способных на скверные поступки. Мужчина пока оставался нейтрален.

Невзирая на это, шаманка была заинтригована информацией о прадедушке Жаргале и пропавшей экспедиции.

– У вас копия голубиного письма с собой?

– Пожалуйста.

Ксерокопия на листке формата А-4, вложенная в файл, перекочевала из полимерной красненькой папки в руки шаманки.

Мало кто знал, что Адыга после одного из трансов получила откровение: раньше люди понимали друг друга независимо от языка. Поэтому она накупила словарей и в свободное время выискивала в них возможные языковые параллели. Занималась этим почти год. За это время много иностранных слов осело в памяти. Сейчас, пытаясь разгадать недоговоренности лукавой госты, она готовилась впустить в себя духа Онго¹⁶ и, оказавшись одновременно в двух мирах, попытаться уловить суть письма и энергетическую информацию, стоящую за ним.

Сопутствовать удаче должно отсутствие языковых барьеров с невидимой стороны. Главное, сделать все незаметно.

Начались вибрации.

В мире видимом Адыга доставала из файла ксерокопию и, затягивая время, глядела на обратную сторону листа.

Вибрации усиливались, появились образы.

– Текст с одной стороны. – Анна Иосифовна уловила: происходит что-то ей неподконтрольное. Это было похоже на состояние педагога на экзамене, когда в попытке поймать списывающего ловкача обостряются чувства-эмоции.

¹⁶ Впустить... духа Онго – войти в состояние транса (бурят.).

Шаманка кивнула. Внутренний мир ее содрогался и перестраивался. Слова Анны Иосифовны звучали сейчас искаженно. Делая вид, будто вглядывается в текст, Адыга ожидала момента «перехода». Он всегда сопровождался стущающейся темнотой и последующей вспышкой.

Гость уловил необычность происходящего и тоже чуть подался вперед, к черному силуэту на фоне окна.

Листок в руках Адыги мелко дрожал. Свершилось. Темнота и вспышка. Перед этим она успела понять несколько испанских слов из текста. *Mucho oro* – то есть «много золота». Так вот о чем гости недоговаривали.

После «перехода» все встало на свои места.

На момент написания письма прадедушка Жаргал уже был мертв: его застрелил в сердцах один из русских соратников путешественника, а после застрелился сам.

Котловина, куда попала экспедиция, оказалась замкнутой. Выхода не было даже в невидимом мире, а вход был. Создавался он не бурятами и причудливо переплетался, направляя лишь в одну сторону.

Золота действительно оказалось много, вот только воспользоваться им было не в силах людей.

Долина была полна духов. Видимо, оказавшись там, люди чувствовали себя очень неуютно и совершали необдуманные поступки. Двое сорвались, пытаясь перебраться через остроконечную скалу.

Постоянный туман плотным одеялом лежал над котловиной, возникшей непонятно откуда.

Предыдущего голубя отправили две недели назад. Еда заканчивалась.

Предав земле останки погибших участников экспедиции, Антонио Загирес написал это письмо, запечатал перстнем и, нацарапав ногтем на застывающем сургуче цифры – 1911, выпустил голубя. Сам же, устроившись на расстеленном пологе и заложив руку за голову, с улыбкой шурился вслед улетающей птице. Со второй рукой у него, похоже, были проблемы: она была на перевязи.

Молчание прервал мужчина.

– Можете нам что-нибудь сказать? – «каркнул» он грубым голосом.

Негатив от него пошел, как смрад.

Находясь еще «одной ногой» в невидимом мире, Адыга увидела несколько загубленных человеческих жизней и поняла: этот тоже не остановится в достижении своих целей ни перед чем. Привстав, она достала с полки альбом и ответила:

– Нет, а показать смогу.

С открытой страницы на эту странную и небезопасную пару глянул прадедушка Жаргал со своими спутниками. Он стоял крайним справа.

Фотографировались перед самым выходом на маршрут. Экспедиция была в полном составе и экипировке перед походом в никуда. Сзади на фото поблекшими от времени чернилами каллиграфическим почерком перечислялись имена и фамилии участников. Двое иностранцев.

На снимке виднелись оружие и вещи. Стояли небольшие птичьи клетки с голубями.

– Никто не вернулся. – Адыга передала фото гостям.

Дух Онго еще вибрировал, не совсем покинув ее, а обессиленной шаманке уже хотелось, чтобы все скорее закончилось.

– Вы бы не ходили туда, – проговорила она. – Небезопасное это место.

– А мы как раз хотели вам предложить принять участие в поисках, – удивилась Анна Иосифовна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.